

Функционирование словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка

К. Г. Салтыков

Академия управления МВД России

ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171, Москва, Россия. E-mail: terminpravo@mail.ru

Исследовательское внимание в статье сосредоточено на функционировании словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка. Грамотное оформление и прочтение юридического текста предполагают соответствие смысла отдельного фрагмента смыслу текста в целом, отсутствие разночтений используемой специальной лексики. Юридический язык представлен определенными компонентами высказываний, обладающими разной степенью сложности. Для обозначения женщины, в одиночку воспитывающей ребенка, в отечественном законодательстве традиционно используется словосочетание «одинокая мать». В недавнем прошлом одинокой матерью признавалась женщина, в первую очередь не состоящая в браке, не проживающая и не ведущая совместного хозяйства с отцом ребенка. В настоящее время семантика данного словосочетания изменилась. Вместе с тем в отраслевом законодательстве параллельно используется синонимичная лексика, терминологические характеристики словосочетания «одинокая мать» не вполне сформированы, а его использование в условиях отсутствия легальной дефиниции иногда приводит к семантическим aberrациям и актуализации вопроса о введении в законодательную и правоприменительную практику достаточно дискуссионной лексики.

Ключевые слова: одинокая мать, словосочетание, юридический язык, семантические aberrации, дефиниция.

Functioning of the Phrase "Single Mother" as Part of Legal Language

K. G. Saltykov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

8 Zoya and Alexander Kosmodemyansky str., 125171, Moscow, Russia. E-mail: terminpravo@mail.ru

The research attention in the article is focused on the functioning of the phrase "single mother" as part of legal language. Competent layout and reading of a legal text presupposes that the meaning of a separate fragment corresponds to the meaning of the text as a whole, and the absence of discrepancies in the special vocabulary used. Legal language is represented by certain components of statements that have varying degrees of complexity. To denominate a woman raising a child alone, the phrase "single mother" is traditionally used in domestic legislation. In the recent past, a single mother was recognized as a woman who was, first of all, unmarried and did not live or lead a joint household with the child's father. Currently, the semantics of this phrase has changed. At the same time, in sectoral legislation, synonymous vocabulary is used in parallel, the terminological characteristics of the phrase "single mother" are not fully formed, and its use in the absence of a legal definition sometimes leads to semantic aberrations and the actualization of the issue of introducing rather debatable vocabulary into legislative and law enforcement practice.

Key words: single mother, phrase, legal language, semantic aberrations, definition.

Человек, являясь разумным существом, нуждается в средствах выражения мысли, хранения и систематизации опыта освоения окружающего мира, в том числе в области регулирования общественных отношений, установления режима законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека. В качестве такого средства выступает юридический язык, в общем смысле представляющий собой систему словесного выражения мысли, посредством которой организуется как общение в юридической сфере в частности, так и реализация права в целом. Обеспечивая потребности юриспруденции, используя при этом инструментарий, присущий не только праву, но и языкознанию, указанная система выражения мысли функционирует в области пересечения юридических и лингвистических факторов.

При этом грамотное оформление, прочтение или артикуляция юридического текста требуют соответствия смысла отдельного фрагмента текста более широкому контексту, недопущения разночтений используемой специальной лексики, исключения неадекватного декодирования текста, отсутствия лингвистических и логических противоречий.

По мнению Н. А. Власенко, юридический язык выступает частью общеправового языка, через тесную связь с текстами права, то есть с правовым лексиконом и его закономерностями [Власенко 1997: 32].

В связи с этим исследовательский интерес может быть обращен на определение, предложенное А. Н. Шепелёвым, представляющим юридический язык как социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений [Шепелёв 2012: 218].

К элементам структуры юридического языка с различной степенью детализации обычно относят язык нормативных правовых актов, язык правоприменительных актов, профессиональную речь юристов и язык правовой доктрины [Давыдова 2010: 9].

При этом решение проблем юридической словесности, связанное с референцией понятий и категорий права при помощи специального лексического фонда или функциональной специализации слов и словосочетаний из других областей знания, является безусловно важным для каждого элемента юридического языка и не противопоставляет его общелитературному русскому языку, но вместе с тем указывает на определенную стилевую самостоятельность юридического языка или его отдельных элементов.

Юридический язык, используемый для составления текста документов, имеющих правовое значение, представлен определенными компонентами высказываний, обладающими разной степенью сложности и получаемыми способом членения с учетом значения на всё более дробные составные части. Так, текст делится на предложения, которые, в свою очередь, членятся на словосочетания, которые распадаются на слова.

Семантические особенности функционирования единиц юридического языка складываются исторически в результате реализации закономерностей отбора и сочетания языковых средств в такой области человеческого общения и деятельности, как право.

При этом, как правило, слово или словосочетание, термин юридического языка соответствуют определенному фрагменту правовой реальности.

В контексте указанного выше обратимся к достаточно распространенному в России социально-правовому феномену одинокого материнства. Отметим, что среди причин, порождающих это печальное общественное явление, называют значительный рост числа ранних разводов, массовое распространение официально не регистрируемого сожительства, преждевременную смерть отца ребенка [Данковцев, Маскалянова 2020: 62-63], а также усыновление (удочерение) ребенка незамужней женщиной, применение вспомогательных репродуктивных технологий для вынашивания ребенка женщиной, не состоящей в браке, приобретение положения одинокой матери в рамках реализации программы суррогатного материнства, когда родившая ребенка женщина реализует преимущественное право суррогатной матери на родительство в отношении рожденного ею ребенка, смену пола одним из родителей [Тарусина 2022: 68-84].

Во всех перечисленных случаях правовой статус одинокой матери должен быть поименован в законодательстве и правоприменительной практике при помощи понятной, корректной, оправданной с точки зрения юридической техники, специальной лексики.

В отечественном законодательстве в указанном случае традиционно используется словосочетание «одинокая мать», функцией которого является обозначение женщины, в одиночку воспитывающей ребенка.

Легальная дефиниция юридического термина «одинокая мать» отсутствует, однако он используется в российском трудовом, социальном и налоговом законодательстве в случаях, когда его функционирование связано с предоставлением соответствующим участникам правоотношений прав, гарантий и льгот [Тимошина 2021: 266-269].

Так, еще Совет Народных Комиссаров СССР в 1944 году устанавливал, что «государственные пособия назначаются и выплачиваются одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей», уточняя при этом, что «женщина, состоявшая в зарегистрированном браке, в случае смерти мужа имеет право на получение государственного пособия, установленного для одиноких матерей, на детей, родившихся после смерти мужа», а «женщина, имеющая ребенка от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке, но с которым совместно живет, ведет общее хозяйство и совместно воспитывает ребенка, права на получение пособия, установленного для одинокой матери, не имеет» [Постановление Совета Народных Комиссаров СССР 1944].

Такой подход к семантике словосочетания «одинокая мать» в юридическом языке десятилетиями считался общепринятым и глубоко укоренился в доктрине и правоприменительной практике. В современной юридической литературе по-прежнему встречаются мнения о том, что «понятие "одинокая мать" охватывает женщин, не состоящих в законном браке и имеющих внебрачных детей» [Данковцев, Маскалянова 2020: 62]. В этом же аспекте в 2010 году в одном из Обзоров законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденных постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации, было отмечено, что «при предшествовавшем регулировании в области социальной защиты материнства и детства общепризнанным считалось понятие одинокой матери как не состоящей в браке, если в свидетельствах о рождении детей запись об отце ребенка отсутствует или эта запись произведена в установленном порядке по указанию матери» [Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года URL].

Обращает на себя внимание то, что одинокой матерью признавалась женщина, в первую очередь не состоящая в браке, а также не проживающая и не ведущая совместного хозяйства с отцом ребенка и не осуществляющая с ним совместного воспитания детей.

Ситуация с суппозицией термина «одинокая мать» была значительно скорректирована с принятием в 2014 году Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», в п. 28 которого указывалось, что к одиноким матерям «может быть отнесена женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновленных) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца, в частности, в случаях, когда отец ребенка умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 2014 URL].

Нетрудно заметить, что при определении значения словосочетания «одинокая мать» Верховный Суд РФ во главу угла поставил не факт отсутствия зарегистрированного в установленном порядке брака, а обстоятельства, связанные с воспитанием и развитием своих детей (родных или усыновленных) без отца. Кроме того, в формулировке Верховного Суда РФ угадываются экстенциональные и интенциональные характеристики множества лиц, подпадающих под обозначение «одинокая мать», что свидетельствует о развитии юридического понятия и предполагает наличие терминологических характеристик у рассматриваемого словосочетания.

Вместе с тем следует обратить внимание на имеющую место в комплексе нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения с участием лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, лексическую множественность при обозначении рассматриваемых субъектов социального взаимодействия. Такая ситуация порождает потребность в уточнении и дифференциации значения единиц специальной юридической лексики, используемых для обозначения рассматриваемой группы участников правоотношений.

Необходимо отметить, что рассматриваемые единицы юридического языка обладают синонимией преимущественно в случаях, когда используются для указания на лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, а в других случаях могут иметь иные оттенки смысла. Таким образом, синонимичность возникает исключительно в контексте их употребления по отношению к указанной группе участников правоотношений, что объясняется многоаспектностью социальной проблемы воспитания ребенка одним родителем или законным представителем и возможностью рассмотрения связанных с этим вопросов с разных теоретических позиций.

Так, например, в налоговом законодательстве (статья 218 НК РФ) при установлении оснований для предоставления налогового вычета в двойном размере указывается на единственного родителя, усыновителя, опекуна, попечителя. Причем в актах толкования, издаваемых государственными органами, статус единственного родителя связывается с наличием факта неустановленного отцовства, в частности, если сведения об отце ребенка вносятся либо не вносятся на основании заявления матери, что семантически сближает термины «одинокая мать» и «единственный родитель» [Письмо Министерства финансов Российской Федерации № 11 2021 URL]. В аналогичном значении используется словосочетание «одинокый родитель», встречающееся в официальных разъяснениях по вопросам права социального обеспечения [Информация Министерства труда и социальной защиты РФ 2021 URL]. Примером словосочетания, обладающего большей спецификой, но также используемого для обозначения лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, является упоминание о «военнослужащих женского пола, имеющих малолетних детей, воспитываемых без отца», встречающееся в теоретических разработках по административному праву [Харитонов 2019: 18-23].

Представляется, что появление в юридическом языке различных словосочетаний, используемых для номинации единственного лица, осуществляющего воспитание и развитие ребенка, вызвано, главным образом, наличием различных отраслевых подходов к обозначению участников одной и той же социальной группы.

Вместе с этим, рассуждая об особенностях функционирования словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка, следует обратить внимание на тревожные тенденции словоупотребления, имеющие место как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Во-первых, в тексте юридических документов словосочетание «одинокая мать» употребляется с некоторыми смысловыми «приращениями», наличие которых затрудняет соотнесение обстоятельств конкретного дела с определением одинокой матери, которое представлено в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». Примером этого может быть упоминание в одном из определений Конституционного Суда Российской Федерации об «одинокой матери, воспитывающей малолетнего ребенка, отец которого не работает и не выплачивает алиментов на содержание ребенка» [Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 941-О URL]. При этом не до конца ясным остается вопрос о том, исключает ли отсутствие работы у отца ребенка и невыплата им алиментов фактическое его участие в воспитании и развитии своих детей, включая материальную поддержку в иных формах.

Во-вторых, изменение характера социальных процессов в российском обществе, эволюция общественного мнения привели к тому, что вслед за использованием имеющего яркую гендерную окраску словосочетания «одинокая мать» в законодательстве появились такие словосочетания, как, например, «одинокая женщина», используемые для обозначения участниц правоотношений, связанных с суррогатным материнством [Федеральный закон № 323-ФЗ 2011

URL]. Осмелимся предположить, что не вполне сформировавшиеся терминологические характеристики и отсутствие легальной дефиниции этого словосочетания с неизбежностью в будущем поставят законодателя перед необходимостью определения нормативных правовых критериев женского одиночества – задачей крайне непростой, особенно на фоне невольно приходящего на ум известного четверостишья И. Кохановского:

Счастья хочешь ты только высокого,
А иного тебе и не хочется,
Лучше быть уж одной одинокою,
Чем вдвоем в одиночестве [Кохановский 1968].

В-третьих, словосочетание «одинокая мать», функционирующее в составе юридического языка, имеет эквивалент – просторечие «мать-одиночка», которое активно проникает в текст правоприменительных актов. Например, в Постановлении Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 от 19 июля 2023 г. по делу № 5-62/2023 указывается, что являющаяся свидетелем гражданка и ее сожитель «не оформили отцовство для того, чтобы она имела возможность получать пособия как мать одиночка» [Постановление Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 URL], что позволяет сделать вывод о неоправданном упрощении и в определенной степени лишении юридического языка его официального характера.

В-четвертых, в судебной практике встречаются случаи, когда интерпретация словосочетания «одинокая мать» участниками процесса не имеет ничего общего с устоявшимся значением этой единицы юридического языка. Так, осужденный, будучи согласен с квалификацией своих действий, в апелляционной жалобе выразил несогласие с суровостью приговора, указав, что «он не представляет никакой общественной опасности... На учете у врача-психиатра он не состоит, трудоустроен, характеризуется положительно, на иждивении имеет несовершеннолетнего ребенка и престарелую одинокую мать» [Апелляционное постановление Кировского областного суда № 22-1678/2023 URL].

Очевидно, что в данном случае использование апеллянтом словосочетания «одинокая мать» при обжаловании приговора вообще не связано с воспитанием ребенка.

Подытоживая характеристику рассматриваемой единицы юридического языка, отметим, что с ее помощью решается важная задача по обозначению лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, как участников правоотношений. Однако специфика отраслей российского права не позволяет избежать параллельного введения в юридическую науку и практику аналогичных по смыслу словосочетаний. Терминологические характеристики словосочетания «одинокая мать» не вполне сформированы из-за нечеткости границ соответствующего юридического понятия, что в условиях отсутствия легальной дефиниции иногда приводит к семантическим абберациям. При анализе функционирования рассматриваемого словосочетания актуализируются вопросы об актуальности введения в законодательную и правоприменительную практику такой дискуссионной лексики, как «мать-одиночка» и «одинокая женщина».

Таким образом, в особенностях функционирования словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка находят отражение простота и сложность исторически сложившейся системы способов словесного выражения правовых понятий и категорий, составляющих основу правового регулирования общественных отношений.

Литература

Апелляционное постановление Кировского областного суда от 21 августа 2023 № 22-1678/2023 по делу № 1-412/2023 URL: <http://sudact.ru/>

Власенко Н. И. Язык права: монография. Иркутск, 1997.

Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

Данковцев О. А., Маскалянова С. А. Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект / Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 62-63.

Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 июня 2021 г. «Самые частые вопросы: выплаты будущим мамам и одиноким родителям с детьми от 8 до 17 лет» / СПС Гарант.

Кохановский И. Одинокая. 1968. URL: <http://muslim-magomaev.ru>

Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года, утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2010 года URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/15090/>

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. п 941-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Придворной Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав подпунктом "з" пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».

Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 29.12.2020 № 03-04-05/115741 / ЭЖ-Бухгалтер (Бухгалтерское приложение). – 2021. – № 11. / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 18 августа 1944 г. № 1122 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям». URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387390#mode/inspect/page/4/zoom/4>

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». URL: <http://sudact.ru/>
- Постановление Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 от 19 июля 2023 по делу № 5-62/2023. URL: <http://sudact.ru/>
- Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление / Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 68-84.
- Тимонина И. В. Государственные гарантии и социальная помощь одинокой матери в Российской Федерации / Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 2(194). – С. 266-269.
- Туранин В. Ю. К вопросу о феномене юридического языка / Современное право. – 2010. – № 7. – С. 9.
- Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».
- Харитонов С. С. К вопросу обеспечения законности решений воинских должностных лиц в сфере прохождения военной службы в контексте правоприменительной деятельности / Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 6. – С. 18-23.
- Шепелёв А. Н. Характеристика юридического языка / Социально-экономические явления и процессы. – № 1. – 2012. – С. 218.

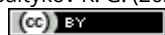
References

- Appeal resolution of the Kirov Regional Court of August 21, 2023 No. 22-1678/2023 in case No. 1-412/2023 URL: <http://sudact.ru/>
- Vlasenko, N. I. (1997). Language of law: monograph. Irkutsk (in Russian).
- Davydova, M. L. (2009). Legal technology: problems of theory and methodology: monograph. Volgograd (in Russian).
- Dankovtsev, O. A., Maskalyanova, S. A. (2020). The phenomenon of single motherhood in Russian society: regional aspect. News of the Tula State University. Humanitarian sciences, 4, 62-63 (in Russian).
- Information from the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated June 24, 2021 «The most frequently asked questions: payments to expectant mothers and single parents with children aged 8 to 17 years». Garant.
- Kokhanovsky I. Lonely. 1968. Available from: <http://www.muslim-magomaev.ru>
- Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2010, approved by the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 16, 2010. Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15090/>
- Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 2023 No. 941-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Svetlana Mikhailovna Pridvornaya about the violation of her constitutional rights by subparagraph «h» of paragraph 1 of Article 43 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». Consultant Plus.
- Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated December 29, 2020 No. 03-04-05/115741. EZH-Accountant (Accounting Appendix). – 2021. – No. 11. ConsultantPlus.
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of August 18, 1944 No. 1122 «On approval of the Regulations on the procedure for assigning and paying state benefits and providing benefits to pregnant women, large and single mothers». Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387390#mode/inspect/page/4/zoom/4>
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 28, 2014 No. 1 «On the application of legislation regulating the labor of women, persons with family responsibilities and minors». Available from: <http://sudact.ru/>
- Resolution of the Tuymazinsky District Court of the Republic of Bashkortostan No. 5-62/2023 dated July 19, 2023 in case No. 5-62/2023. Available from: <http://sudact.ru/>
- Tarusina, N. N. (2022). Single motherhood as a social and legal phenomenon. Journal of Russian Law, 7, 68-84 (in Russian).
- Timonina, I. V. (2021). State guarantees and social assistance to single mothers in the Russian Federation. Law and State: Theory and Practice, 2(194), 266-269 (in Russian).
- Turanin, V. Y. (2010). On the issue of the phenomenon of legal language. Modern law, 7, 9 (in Russian).
- Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on December 25, 2023) «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation». ConsultantPlus.
- Kharitonov, S. S. (2019). On the issue of ensuring the legality of decisions of military officials in the field of military service in the context of law enforcement. Law in the Armed Forces, 6, 18-23 (in Russian).
- Shepelev, A. N. (2012). Characteristics of legal language. Socio-economic phenomena and processes, 1, 218 (in Russian).

Citation:

Салтыков К. Г. Функционирование словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 52-56.

Saltykov K. G. (2024) Functioning of the Phrase «Single Mother» as Part of Legal Language. Legal Linguistics, 33, 52-56.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License